

⁶ Сб. «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция». Л., 1926. С. 59—106.

⁷ Крестьянское жилище Калужской губернии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927. С. 1—16.

⁸ Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. XXXI. М., 1956.

⁹ Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 1—312, 397—432.

Е. Е. Blomkvist as a Student of Russian Ethnography

This paper was written by T. V. Stanyukovich, who tragically died not long ago. She was a colleague of E. E. Blomkvist. A characteristic of the Blomkvist's works on the Russian ethnography is given. Activity of E. E. Blomkvist in Russian Museum from 1924 and in the Institute of Ethnography in Leningrad from 1935 till the end of her life is briefly described. She was one of the leading specialists in Slavonic and American studies, with a great experience in field and museum work. Blomkvist's works are based on a wide range of a different sources: archaeological, linguistic, folklore, folk art, historical, economic and other.

© 1992 г., ЭО, № 4

С. К. Сагнаева

«УРАЛЬСКАЯ» ТЕМА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е. Э. БЛОМКВИСТ

Особое место в научном наследии Евгении Эдуардовны Бломквист занимают исследования об «уральцах» Средней Азии, которые менее известны по сравнению с другими ее работами, возможно, вследствие небольшого объема публикаций по «уральской» теме.

Уральцы — группа уральских казаков, высланных в 70-е годы XIX в. из Уральского казачьего войска на Амударью и Сырдарью. Численность их в конце XIX в. определялась примерно в 7—8 тыс. человек. В дальнейшем они расселились на территории современного Южного Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Каракалпакии, Туркмении. Основными занятиями в прошлом у них было рыболовство, охота, торговля. Большинство уральцев — старообрядцы, до настоящего времени сохранили многие архаичные черты в быту и культуре.

В статье предпринята попытка познакомить читателя с темой «уральцев» в научном творчестве Е. Э. Бломквист*. Основным источником для нее послужили письма, отправленные Евгенией Эдуардовной из Ташкента и Каракалпакии разным корреспондентам. Среди них следует выделить диалектолога Надежду Павловну Гринкову, в соавторстве с которой Е. Э. Бломквист был подготовлен сборник «Бухтарминские старообрядцы», инженера Ольгу Ивановну Вер, ленинградского искусствоведа Эрну Владимировну Зиберт, с которыми Евгения Эдуардовна состояла в многолетней дружбе, О. И. Вер обработала и два года назад передала ее письма в Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге¹.

* Пользуясь случаем, автор выражает признательность сотрудникам Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, И. В. Жуковской — зав. архивом Санкт-Петербургского филиала Института этнологии и антропологии РАН, а также глубокую благодарность Т. В. Станюкович за консультацию по вопросам, связанным с этой публикацией. Т. В. Станюкович, недавно ушедшая из жизни, была крупным исследователем культуры русского населения Средней Азии и Казахстана, она участвовала в подготовке посмертной публикации Е. Э. Бломквист об «уральцах», в обработке архива Евгении Эдуардовны. Татьяна Владимировна была близким другом Е. Э. Бломквист в течение всей жизни.

Значительную часть фонда Е. Э. Бломквист, который хранится в Санкт-Петербурге в архиве НИИ и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (бывшем филиале Института этнологии и антропологии), составляют материалы об уральцах Средней Азии. Это прежде всего полевые дневники, которые она вела во время двух поездок в Каракалпакию (в 1943—1944 и 1945 гг.), обширные выписки, сделанные в Центральном государственном архиве Узбекской ССР и Центральном государственном архиве Каракалпакии (всего 887 листов), фотографии, рисунки и пр.

подавляющее большинство этих материалов так и не увидело свет. На их основе при жизни ученого была опубликована только одна статья «Этнографическая работа среди уральцев»² и лишь в 1972 г. появилась другая — «К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованиях в языке „уральцев“ Амударьинского оазиса»³. Работу над ней Евгения Эдуардовна не закончила, поэтому к подготовке посмертной публикации были привлечены Н. И. Андреева-Васина и Д. С. Насыров. В обеих статьях дана этнокультурная характеристика уральцев в прошлом и настоящем, затронута история их взаимоотношений с местным населением. Вторая статья дополнена словарем слов тюркского происхождения, употреблявшихся уральцами.

В архиве хранится также стенограмма доклада, прочитанного на конференции по этнографии и фольклору народов Средней Азии, состоявшейся в 1944 г. в Ташкенте, «Итоги экспедиционных работ среди „уральцев“ (русского населения низовьев Амударьи)»⁴.

В этом докладе и вышеназванных статьях очерчены контуры монографического исследования, о котором Евгения Эдуардовна шуточно писала в 1944 г.: «Собираюсь удивить мир тремя кирпичами — или так — трехкирпичной монографией по уральцам»⁵. В конце 40-х годов она была вынуждена прервать эту работу в связи с порученным ей крупным исследованием по восточнославянскому жилищу и в дальнейшем уже не смогла вернуться к этой теме.

Изучение культуры уральцев было своеобразной вехой в научном творчестве Е. Э. Бломквист, «возвращением» от американистики, которой она посвятила многие годы, к русской этнографии⁶. Следует отметить, что «вовлек» ее в это исследование Сергей Павлович Толстов, кстати, сам из уральских казаков, бывший тогда директором Института этнографии: «Мне он (С. П. Толстов.— С. С.) предложил поехать к русскому старожильческому населению на Аральское море, устье Амударьи»⁷, «мое возвращение к русской этнографии Толстов очень приветствует...»⁸. С. П. Толстов содействовал и организации второй (по инициативе самой Евгении Эдуардовны) поездки в Каракалпакию и Туркмению в 1945 г.

Первая поездка к уральцам проходила с 14 сентября 1943 г. по 20 января 1944 г. Тогда были исследованы поселки уральцев близ Нукуса и Турткуля.

К экспедиции Е. Э. Бломквист готовилась долго и тщательно: изучала материалы Центрального государственного архива Узбекской ССР в Ташкенте, брала уроки узбекского языка, так как «они (уральцы.— С. С.) двуязычные: русский и узбекский»⁹. Язык Евгения Эдуардовна изучала с большим интересом: «Я схожу с ума — усиленно занимаюсь узбекским, как старый дурак — очередное увлечение, выходит довольно ладно»¹⁰, «увлекаюсь очень, логика и стройность языка поражают, очень богатый язык, для памяти сумасшедшая нагрузка»¹¹.

Саму поездку Евгения Эдуардовна воспринимала как экзамен. Уже после экспедиции она писала Н. П. Гринковой: «Это мое боевое крещение (вторичное) после 15-летнего перерыва ... не только мой первый выезд после этого перерыва, но и первый самостоятельный выезд на ответственную работу вообще, ибо, если ты помнишь, я ведь всегда ездила с тобой вдвоем»¹².

Первыми впечатлениями об экспедиции в Каракалпакию Евгения Эдуардовна делилась в письме О. И. Вер: «Уральский поселок близ Нукуса в Кара-Калпакии, 9 октября 1943 г. Дорогая Оля! ... Вчера переехала в Рыбачий — поселок уральский, живу в избе среди непосредственных объектов изучения, надеюсь

собрать интересный материал, пока имеются только внешние впечатления. Весь старообрядческий комплекс в переднем углу налицо — старинные иконы, свечи, лёстовки*, подрушники, медные складни и кресты, на столе — старинные толстые книги. Старик ест отдельно. Поселок обошла сегодня утром — интересное смешение русского с азиатским, все глинобитное, с ярким южным колоритом плюс рыбацкая специфика — сушащиеся сети, чинящиеся лодки и проч. Хороши древние чигири — водоподъемные колеса с сосудиками и передаточными зубчатыми шестернями — приводимые в действие гоняемым по кругу ишаком или верблюдом. Сейчас, конечно, не действует, октябрь, снимаются остатки с огородов ...»¹³.

Экспедиция, длившаяся 4 месяца, оказалась весьма плодотворной: «Поездкой своей я очень довольна, материал очень интересный и довольно большой — одних „полевых“ записей было 1000 страниц, не считая выписок из архивного материала, старообрядческих текстов, сведений по рыболовному делу и пр., кроме того негативы и пленки»¹⁴.

В письме к Н. П. Гринковой дана более подробная характеристика «самого интересного» материала: «... По языку ... особенно фонетика и лексика, целый ряд интереснейших особенностей, взаимоотношения с тюркскими языками; по морфологии — мало — основное — отсутствие среднего рода (заменен мужским) и отдельные случаи мены падежей. Но лексика и изменения семантики по сравнению с общерусским литературным языком — упоительны. ... Затем по фольклору — д у х о в н ы е с т и х и **, за которыми я охотилась как за ценнейшим зверем, собрала 18, некоторые в вариантах, затем рассказы и песни (81 штука), из них интересны мужские казачьи и девичьи свадебные. Очень большой материал по гражданской войне, интересной (так у Е. Э. Бломквист.— С. С.) в этих районах — от живых людей и в архивах; интересен материал по старинной женской одежде, еще являющейся на моленьях, похоронах, поминках и проч. Достаточно сказать, что я, присутствуя на рождественском молене (шесть часов подряд и обедня утром, с 10 до 12 часов...), надевала сарафан, старообрядческую «нашу уральскую» рубаху и платок, так что меня принимали за уралку. Красочен материал вообще по старообрядческому быту и большой семье, распавшейся после туркменских событий (после 20-х годов). Засняла кое-что. Система образования очень интересна, вспоминается Мельников-Печерский „В лесах и горах“ (так у Е. Э. Бломквист.— С. С.). Материальная культура меньше интересовала меня, собрала я минимум материала, необходимого для статьи (рыболовство и охота, домики и селения), но не больше»¹⁵.

В развернутом виде итоги полевого исследования были представлены в докладе на заседании этнографической секции конференции по фольклору и этнографии Средней Азии 5 апреля 1944 г.¹⁶ В нем были освещены следующие вопросы: «Причины и время появления уральцев в Средней Азии», «Основные занятия уральцев в историческом разрезе», «Уральцы как старообрядческая группа, главные толки. Отражение религии в быту и фольклоре», «Фольклор старого и молодого поколения», «Диалектальные особенности двуязычия уральцев», «Взаимоотношения с местным населением и культурная роль уральцев в Средней Азии»¹⁷.

В 1943—1945 гг. Евгения Эдуардовна работала с материалами Центрального государственного архива Узбекской ССР, во время поездки в Каракалпакию — с документами Центрального государственного архива Каракалпакской АССР и архива краеведческого музея в Турткуле. В своих письмах она неоднократно упоминает об этом: «Всю первую половину марта бегала вечерами на декаду среднеазиатской музыки — 11 вечеров подряд ... Было много яркого, свежего и интересного, все впитывала в себя экзотику. Днем работаю в архиве, много интересного материала за 70-е и 80-е годы. Списываю как последний писарь...»¹⁸, «пишет Вам, дорогая Эрна (Э. В. Зиберт.— С. С.), совсем не Евгения

* Лёстовка — принадлежность для моления у старообрядцев наподобие чётков.

** Здесь и далее разрядка Е. Э. Бломквист.

Эдуардовна, а скажем-таки штабной писарь. Чуть не весь март изображаю помесь архивной крысы и штабного писаря; грызу архив бывшей канцелярии Туркестанского Генерал-Губернатора, выписываю и переписываю всякие интересные штуки о своих уральцах за 70-е и 80-е годы прошлого века. Даже Скобелев фигурирует, да и прочие Высокопревосходительства. Здорово интересно. Когда всего наберу, то засяду за монографию, напишу такой кирпич, что ни один черт не прочтет»¹⁹.

После первой поездки к уральцам Евгения Эдуардовна просит руководство института командировать ее еще раз «для окончания работы по уральцам», пытается привлечь внимание к этой теме других научных учреждений. В докладной записке в Институт истории АН Узбекской ССР она предлагает включить в план работы института экспедицию к уральцам: «Необходимо продолжить работу, начатую ... зимою 1943—1944 гг. Академией наук СССР. ... Особенно желательно посещение Кунграда и изолированных поселков, расположенных в самой дельте (Амударьи.— С. С.), где, по полученным сведениям, особенно крепко сохраняются остатки русской старины, с одной стороны, и особенно тесны взаимоотношения с населением края — с другой»²⁰.

Когда началась эвакуация Института этнографии (с июля 1943 по май 1945 г. Е. Э. Бомквист была уполномоченной Ташкентской группы института и немало времени уделяла связанным с ней проблемам), она писала: «... уезжать не хочется, так как начала очень интересную работу у своих старообрядцев, хочется если не закончить, то по крайней мере продолжить ее, съездить весной еще раз в эти же районы и затем проехать дальше в дельту»²¹, «я лично буду очень довольна, если мне еще не возвращаться нынче в Ленинград, и если даже не удастся поехать к ним, то мне еще много дела в архиве и в библиотеках, и далее — обработка экспедиционного материала»²².

При поддержке С. П. Толстова Евгения Эдуардовна добилась финансирования поездки в Каракалпакию четырех сотрудников, которые составили второй отряд Хорезмской экспедиции под ее началом²³. В экспедиции участвовала Н. Н. Велецкая, полевые записи которой по фольклору, свадебной обрядности, рыболовству и пр. хранятся в фонде Е. Э. Бломквист²⁴.

Экспедиция работала в Нукусском и Кунградском районах Каракалпакии и Чарджоуском районе Туркмении. Записи в полевых дневниках охватывают период с 6 августа по 12 октября 1945 г. После завершения экспедиции Евгения Эдуардовна вернулась в Ленинград.

В одном из писем 1944 г. она делилась своими планами на будущее с Н. П. Гринковой: «Что касается послевоенной работы, то мне совсем не хочется работать в Музее не только с индейцами, а даже и с русским материалом ... Хочется писать и печататься, а не возиться с сундуками, тряпками, деревом и пр. ... А так как осталось мне в частности поработать лет десять плодотворно, не больше, то и хочется употребить их наирациональнейшим способом, хочется писать. Я думаю, что даже из моих уральцев неплохая выйдет работа, будут читать. Старообрядческий мир в 20-м столетии, да еще в наши дни. Каково?»²⁵.

Е. М. Бломквист подробнейшим образом зафиксировала в своих дневниках многие стороны жизни и быта уральцев, заносила в тетради все увиденное и услышанное вплоть до мелких реплик настолько детально, что даже самое поверхностное знакомство с текстами дает яркое представление о быте и говоре уральцев. Уралец Иван Иванович Джолдыбаков, в семье которого жила Евгения Эдуардовна в 1943 г., рассказывал автору этой статьи следующее: «Дуадовна всегда с тетрадкой ходила. Как услышит уральское слово, так сразу и хватается за тетрадку. Я ей говорил в шутку: „Не буду с тобой разговаривать, ты все пишешь“».

Е. Э. Бломквист были собраны тысячи образцов «уральского» говора. Открытием для нее было обилие тюркоязычных заимствований в языке уральцев, их двуязычие, свособразие лексики и фонетики. Евгения Эдуардовна предполагала,

что совместно с Н. П. Гринковой сможет опубликовать эти материалы: «...Ты будешь в Ленинграде раньше меня. Жаль, что не попадешь в Уральск, мне так хотелось, чтобы ты попала к уральским казакам и обследовала бы их говор, масса интересного там. Все же мои записи по фольклору очень кустарные и нефонетические, но тем не менее имею милость претендовать, что с твоей помощью по ним смогу составить нечто вроде очерка по говорам — главку небольшую»²⁶.

Впоследствии материалы Е. Э. Бломквист были использованы исследователем диалекта уральского казачества Н. М. Малечей в многотомном «Словаре русских народных говоров Среднего и Нижнего течения реки Урал (диалект уральских (яицких) казаков)»²⁷. Нестор Михайлович Малеча много лет вел работу в Уральской, Гурьевской, Оренбургской областях, а в 1957 г. возглавил экспедицию Уральского пединститута им. А. С. Пушкина в Нукус, которая называлась «По следам Е. Э. Бломквист»²⁸.

В полевых дневниках Е. Э. Бломквист помимо сведений по одежде, жилищу, пище, транспорту, орудиям труда, рыболовству, народной медицине, семейной и праздничной обрядности, детским играм и пр. много записей, связанных со старообрядчеством. Это и выписки из старообрядческих книг, и тексты молитв, все, что характерно для религиозного быта (в частности, крюковое пение). Особое место занимают «добытые» ею духовные стихи. Сама она очень дорожила каждой из этих «находок», каждым вариантом стихов. Духовные стихи — одна из ярких сторон культуры уральцев, старообрядчества в целом, несомненно, увлекли ее всерьез.

Следует выделить еще одно направление научного поиска Е. Э. Бломквист: многочисленные записи рассказов о высылке уральцев, о первых годах их жизни в Средней Азии, а также рассказов о событиях гражданской войны.

Евгения Эдуардовна — высококвалифицированный этнограф-полевик — критически оценивала собственную полевую деятельность, считая себя не совсем подготовленной к роли, например, диалектолога или фотографа. В одном из писем после первой поездки она делилась своими переживаниями с Надеждой Павловной Гринковой: «Считаю, что экзамен выдержала — возраст работать не мешает, наоборот, в некоторых случаях даже помогает, и как-то многое удачно. Конечно, очень многое не добрано, не доделано, ... во многих случаях уже после сообщила, что не расспросила о том-то и том-то (так, разговаривая о большой семье, совершенно упустила расспросить о разделе имущества, прямо хоть волосы рви с досады), но это мне самой все видно, а материал поражает всех огромностью»²⁹.

Одной из важных задач своей полевой работы она считала сбор иллюстративного материала. Дневники содержат большое количество схем, рисунков, последовательно зарисованы такие процессы, как кладка печи, строительство лодки, возведение дома и пр. Целенаправленно собирала Евгения Эдуардовна и фотоматериалы: «На ближайший год будет моей задачей: довести до конца работу и завершить достойно в виде интересной монографии с большим количеством иллюстраций»³⁰, «боевая задача — пофотографировать для издания»³¹, «мне еще хочется съездить к одной группе уральцев, живут в Джамбульском районе Казахстана, пофотографировать»³². В архиве хранится одна черно-белая пленка, снятая в Турткуле в 1943—1944 гг. Сама Евгения Эдуардовна не умела фотографировать и однажды сокрушалась по этому поводу: «Работать с чужими случайными фотографиями в экспедиции — это мука и колоссальная непродуктивная трата сил, времени и энергии, а результат ничтожен»³³. В фонде Е. Э. Бломквист хранятся также копии фотографий Л. С. Берга, сделанные им во время поездки на Аральское море в 1900 г. (шесть снимков)³⁴, фотографии А. Якубовского, датированные 1929 г.³⁵, а также ряд неатрибутированных фотографий — всего 157 снимков³⁶.

В фонде Е. Э. Бломквист хранится рукопись С. А. Судакова «Уральские казаки — старообрядцы Аму-Дарьинского оазиса», а также ее сокращенная

копия³⁷. По нашим предположениям, рукопись была передана Е. Э. Бломквист директором Научно-исследовательского института Каракалпакии Давкараевым в 1944 г.³⁸ Сотрудником этого института был С. А. Судаков. Среди материалов фонда нет никаких сведений об авторе рукописи. Евгения Эдуардовна упоминает о нем лишь в дневниковой записи беседы с А. Д. Липилиным³⁹, который обратил внимание на «неточности у Судакова»⁴⁰.

В отзыве на рукопись А. М. Гаврилина — ученого секретаря Каракалпакского НИИ — работа названа интересной «с точки зрения использования уральцев как высококвалифицированной рабочей силы на рыбных промыслах Каракалпакии»⁴¹. В целом же в отзыве преобладают негативные оценки, вызванные тем, что автору не удалось «развернуть изучение уральцев в свете марксистско-ленинского метода ... в таких разделах, как анализ классового расслоения и классовой борьбы в среде уральцев, ... мировоззрения уральцев и ломки его, особенно в период социалистического наступления». Поскольку «политическая сторона, — по мнению рецензента, — освещена совершенно недостаточно, и в ряде моментов далеко не правильно», автору рекомендовали «переработать» главы, касающиеся хозяйственно-экономических и политических вопросов. Разделы, посвященные чисто этнографическим сюжетам, были признаны годными к публикации⁴².

Можно лишь предполагать, как сложилась бы судьба автора и самой рукописи после обвинения в политической недалекости и «неправильном» отражении действительности. Возможно, поэтому рукопись оказалась «не востребованной» и попала в архив Е. Э. Бломквист.

Рукопись иллюстрирована фотографиями, рисунками, снабжена подробными статистическими выкладками. В этнографическом обзоре есть описания одежды, жилища, поселений, традиционной обрядности, имеются записи фольклора.

Материалы фонда Е. Э. Бломквист по уральцам Средней Азии нуждаются в тщательном изучении и систематизации. Нам хотелось обратить внимание прежде всего на ту сторону деятельности ученого, которая часто остается в тени при обращении к научному наследию, — полевую работу этнографа.

Примечания

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ). Ф. 1159.

² Краткие сообщения Института этнографии. М.; Л., 1947. Вып. 3. С. 49—54.

³ Сб. МАЭ. Л., 1972. Т. XXVIII. С. 265—302.

⁴ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1—34.

⁵ Письмо Н. П. Гринковой от 26.II 1944//ОР ГПБ. Ф. 1159. Ед. хр. 41. Л. 28.

⁶ См. письмо Э. В. Зиберт от 17.III 1943: «Хочу понемногу отходить от американистики и вернуться к русским»//Там же. Ед. хр. 43. Л. 96.

⁷ Там же.

⁸ Письмо Н. П. Гринковой от 2.V 1943//Там же. Ед. хр. 40. Л. 1.

⁹ Письмо Н. П. Гринковой от 17.III 1943//Там же. Ед. хр. 43. Л. 96.

¹⁰ Там же. Л. 127.

¹¹ Письмо Н. П. Гринковой от 26.VI 1943//Там же. Ед. хр. 40. Л. 36.

¹² Письмо Н. П. Гринковой от 12.XI 1944//Там же. Ед. хр. 41. Л. 11.

¹³ Письмо О. И. Вер от 9.X 1943//Там же. Ед. хр. 35. Л. 174.

¹⁴ Письмо О. И. Вер от 23.I 1944//Там же. Ед. хр. 36. Л. 64.

¹⁵ Письмо Н. П. Гринковой от 12.XI 1944//ОР ГПБ. Ф. 1159. Ед. хр. 41. Л. 11, 12.

¹⁶ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1—34.

¹⁷ Там же. Л. 31.

¹⁸ Письмо О. И. Вер от 27.III 1944//ОР ГПБ. Ф. 1159. Ед. хр. 36. Л. 69.

¹⁹ Письмо О. И. Вер от 29.III 1944//Там же. Ед. хр. 43. Л. 138.

²⁰ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 30 об.

²¹ Письмо О. Н. Смеловой от 28.I 1944//ОР ГПБ. Ф. 1159. Ед. хр. 50. Л. 127 об.

²² Письмо О. И. Вер от 22.V 1944//Там же. Ед. хр. 43. Л. 147.

²³ АСПФ ИЭА. Личное дело Е. Э. Бломквист. Л. 40, 54.

²⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 77—81.

²⁵ Письмо Н. П. Гринковой от 26.XI 1944//ОР ГПБ. Ф. 1159. Ед. хр. 41. Л. 29—30.

- ²⁶ Письмо Н. П. Гринковой от 21.VI 1944//Там же. Ед. хр. 41. Л. 53.
- ²⁷ Малеча Н. М. Словарь русских народных говоров Среднего и Нижнего течения реки Урал (диалект уральских казаков). Уральск, 1976. Т. 1—4.
- ²⁸ Материалы экспедиции хранятся в кабинете русского языка Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина.
- ²⁹ Письмо Н. П. Гринковой от 12.XI 1944//ОР ГПБ: Ф. 1159. Ед. хр. 41. Л. 12.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 13.
- ³² Письмо Н. П. Гринковой от 18.X 1944//Там же. Ед. хр. 41. Л. 73.
- ³³ Письмо Н. П. Гринковой от 12.XI 1944//Там же. Л. 12.
- ³⁴ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 83. № 78—83.
- ³⁵ Там же. № 3—4.
- ³⁶ В это число включены и снимки, посвященные каракалпакам. Во время первой поездки Евгения Эдуардовна собирала по заданию Института этнографии материалы по культурному строительству в республике для среднеазиатского тома «Народов мира».
- ³⁷ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 1—151; Ед. хр. 122. Л. 1—65.
- ³⁸ Там же. Ед. хр. 94. Л. 29.
- ³⁹ Уралец Андрей Денисович Липилин — инженер по профессии и его жена Вера Казимировна были связаны с Евгенией Эдуардовной многолетней дружбой, выросшей из «рабочего общения» во время поездки в Каракалпакцию.
- ⁴⁰ АСПФ ИЭА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 9 об., 10.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 122. Л. 63.
- ⁴² Там же. Л. 64 об.

Е. Е. Blomkvist and Her Research on the Ural Cossacks

The article is related to the previous one and shows the special place of the «Ural» theme in Blomkvist's works. Ural population in the Central Asia includes some groups of Ural Cossacks, deported from Ural Cossack Army to the region of Amu-Darya and Syr-Darya in the 1870s. Most Cossacks, being old-believers, have kept a lot of archaic features in everyday life and culture. The article is based on Blomkvist's letters from Tashkent and Karakalpakia to different correspondents during the Second World War. These letters are in her file in the St. Petersburg Archive of the Institute and Museum of Anthropology and Ethnography. The book «Bukhtarma Old-Believers» was written by E. E. Blomkvist in collaboration with N. P. Grynko, but was not published. Only one article was published in 1947, another posthumously in 1972. Other materials (887 pages) are in the Archive up to now.

S. K. Sagnayeva